

Обойдя семь магазинов с камнями, Чжэнь Цюн наконец нашел каламин, звездчатый камень, черный кварц, синчжоускую киноварь, тальк и несколько видов киновари из разных месторождений. Однако в аптеке ассортимент оказался куда богаче. Помимо слюды, гипса и серы, там были и пятицветное каменное масло, азурит, гематит, бура и даже нечто под названием «несгораемое дерево», о котором говорили, что оно не боится ни огня, ни воды и является уникальным продуктом Лундэфу. Чжэнь Цюн внимательно осмотрел его и обнаружил, что это был асбест! Эх, с таким материалом можно было без опаски заниматься выплавкой стекла, что значительно облегчало задачу.

От начала улицы до конца они прошли все магазины, и слуги несли уже не счесть сколько пакетов с лекарствами. Несколько магазинов даже согласились доставить товары на дом. Выйдя из последнего, Чжэнь Цюн почувствовал, как его дух прояснился, а тело стало легким, словно перо. Может, стоит заглянуть в государственные мастерские, чтобы посмотреть на минералы?

Но прежде чем он успел заговорить, Хань Мяо вдруг сказал:

— Впереди как раз парфюмерный магазин, Цюн. Не хочешь зайти со мной?

— Парфюмерия? — Чжэнь Цюн ошарашенно повернул голову.

— Там продают средства для умывания, банные бобы, масло для волос, ароматическую пудру, — объяснил Хань Мяо с улыбкой. — Наш магазин духов скоро откроется, так что неплохо бы посмотреть, что предлагают другие.

Парфюмерный магазин семьи Хань специализировался на цветочной воде и духах, а также на новых продуктах, таких как зубная паста и душистое мыло, но ассортимент все же был ограничен. Даже если они не могли производить все сами, можно было начать с закупок у других. Таким образом, женщины могли бы покупать все необходимое с головы до ног, становясь постоянными клиентками. Однако нужно было тщательно выбирать партнеров, чтобы не снизить уровень своего магазина и не оказаться в зависимости.

Чжэнь Цюн моргнул. Разве все это не было вещами для женщин? При мысли о резком запахе специй он почувствовал, как у него заболела спина, а усталость от часа ходьбы накрыла его с новой силой. Шагать дальше он не хотел. Однако Хань Мяо сопровождал его весь день и даже купил столько лекарственных материалов. Было бы невежливо отказаться сейчас.

Сцепив зубы, он кивнул. Пожертвуем собой ради друга!

Этот вид полного отчаяния заставил Хань Мяо едва сдержать смех, но он нарочно сказал:

— Как же ты внимателен, Цюн. Пойдем, зайдем всего в несколько магазинов.

С жалобным стоном Чжэнь Цюн поплелся за Хань Мяо, вошел в ближайший парфюмерный магазин.

Неужели все это масло для волос? Сколько бы ни было ароматов, это все равно масло для волос. А что это за средство для умывания? Оказывается, есть восемь разных рецептов, и утреннее отличается от вечернего. Подождите, банные бобы ведь для мытья рук и тела, зачем их наносить на лицо? Кто сможет вытерпеть эту кашу на лице?

Следуя за Хань Мяо, Чжэнь Цюн внутренне возмущался, полный недоумения, и никак не мог понять, зачем все это нужно. Хань Мяо, однако, казалось, разобрался в этом. Он трогал товары,

нюхал их и даже купил немало. Неужели это все ради парфюмерного магазина, или у него самого были странные пристрастия? Чжэнь Цюн смотрел на него с подозрением. Может, люди, следующие примеру великих генералов, действительно отличаются от обычных мужчин?

Когда они зашли в четвертый магазин, Чжэнь Цюн почувствовал, что его ноги уже не поднимаются. Почему в этом магазине не поставили стулья, чтобы можно было отдохнуть и выпить чаю...

— Сразу видно, что господин знает толк! Этот порошок кассии легко смешивается, а свинцовые белила из Жунчжоу делают его не только гладким, но и осветляющим. Используйте его некоторое время, и ваша кожа станет такой же белоснежной, как у этого даосского наставника! — продавец, держа в руках коробочку с порошком, обратился к Хань Мяо и, увидев светлую кожу Чжэнь Цюна, добавил комплимент.

Однако Чжэнь Цюн, уже оцепеневший от усталости, словно наступили на хвост, тут же воскликнул:

— Свинцовый порошок только сделает лицо темнее, где уж мне до такой белизны?

А? Продавец смутился и поспешил сказать:

— Простите, даосский наставник, вам, конечно, не нужно использовать порошок...

— Свинцовый порошок ядовит, его вообще не следует использовать! — с возмущением заявил Чжэнь Цюн.

Эти слова мгновенно омрачили лицо продавца, а женщины вокруг с удивлением обернулись. Ведь говорил же даосский наставник, а если он утверждает, что свинцовый порошок вреден, значит, это правда?

Видя, что ситуация накаляется, Хань Мяо взял Чжэнь Цюна за руку и мягко улыбнулся:

— Не сердись, брат, я не буду это покупать.

Его спокойный и ласковый тон сразу же остановил поток жалоб Чжэнь Цюна, который покраснел и замер, не зная, что сказать.

Остальные женщины, увидев, как один из них высокий и статный, а другой — изящный и миловидный, держатся за руки и смотрят друг на друга с нежностью, обменялись понимающими взглядами. Продавец, предлагавший порошок, тоже, казалось, понял что-то, смущенно поклонился и извинился. Хань Мяо не стал задерживаться, взял Чжэнь Цюна за руку и вышел из магазина.

На улице он отпустил руку и спросил:

— Цюн?

Чжэнь Цюн вздрогнул, не решаясь поднять голову, и пробормотал:

— Это... держаться за руки... не очень-то хорошо...

Ведь это не дом, вокруг столько людей, как можно быть такими откровенными?

— Я был неосторожен. Может, пойдём поесть? — Хань Мяо прекрасно понимал, что этот даос

уже на пределе, а после его шутки точно не сможет продолжать.

Наверное, да? Они гуляли весь день, и, по логике, должны были проголодаться, но Чжэнь Цюнь не чувствовал голода, только ладонь все еще горела. Почему Хань Мяо снова стал таким ласковым? Неужели его диета дала результаты? Вряд ли, ведь он ел немало в последние дни...

Смущенно кивнув, Чжэнь Цюнь последовал за Хань Мяо в другом направлении. Не успел он понять, как долго они шли, как услышал:

— Вот мы и пришли.

Чжэнь Цюнь поднял голову и сразу же очнулся от своих мыслей, широко раскрыв глаза:

— Это место для еды?!

Нельзя было винить его за такие мысли. Перед ними возвышались пять башен, расположенных в шахматном порядке, соединенных мостами, похожими на радугу, которые были великолепнее всех государственных зданий, что он когда-либо видел, и по высоте соперничали с Императорским городом. Уже начинало темнеть, и на башнях зажглись огни, сверкающие в сумерках, словно небесный дворец. Это могло быть местом для еды?

— Конечно, это место для еды, — улыбнулся Хань Мяо. — Башня Фань изначально была местом собраний гильдии квасцов, но потом получила право на производство вина и стала поставлять вино для трех тысяч винных лавок в столице, став главной среди семидесяти двух крупнейших заведений.

— Продажа вина приносит столько денег? — пробормотал Чжэнь Цюнь, но не замедлил шаг, следуя за Хань Мяо.

— Сейчас еще государственный траур, поэтому на башне нет девушек-артисток. В обычное время здесь уже развевались бы цветные ленты, и слышались бы нежные голоса, — пошутил Хань Мяо, проходя под красочным навесом перед входом.

Глядя на эту огромную башню высотой в три чжана, которая могла вместить множество людей, Чжэнь Цюнь почувствовал, как у него мурашки побежали по коже:

— Лучше... лучше сначала поесть...

Этот вид, полный тревоги, почему-то развеселил Хань Мяо. Взяв Чжэнь Цюня за руку, он вошел во внутренний двор между башнями, где их сразу же встретили.

— О, это же господин Хань! Давно не виделись, — слуга, казалось, узнал Хань Мяо и почтительно поклонился.

Это было связано с тем, что Хань Мяо вел дела с Башней Фань. Ведь сейчас семья Хань была единственным поставщиком белого сахара в Восточной столице. Новые блюда в Башне Фань также использовали «Белый иней» и «Застывший лед», поэтому к Хань Мяо, как к поставщику, относились с особым уважением.

— Выберите нам кабинет с видом на север, подайте сезонные блюда и подогрейте шоумей, — Хань Мяо легко заказал еду и повел Чжэнь Цюня на второй этаж.

Устроившись в уютной комнате, Хань Мяо приказал открыть окно и с улыбкой сказал Чжэнь

Цюну:

— Отсюда можно увидеть Железную пагоду. В праздник Юаньсяо вид еще лучше.

Чжэнь Цюн повернул голову и посмотрел в окно. В сумеречном свете перед ним предстала высокая темная пагода. Это была пагода Фушэн храма Кайбао, построенная из коричневой глазурованной плитки, которая делала ее похожей на железную. Башня Фань была выше обычных зданий, и с второго этажа открывался вид на озеро, сверкающее в лучах заката, и пагоду, покрытую золотым светом. Облака, окутанные заревом, тянулись на восток, словно небо опустилось ниже.

Даже такой невежественный человек, как Чжэнь Цюн, был поражен красотой пейзажа и долго не мог отвести взгляд. Пока он любовался видом, кто-то наблюдал за ним. Закатные лучи, падая на его лицо, создавали мягкое сияние, делая его и без того прекрасные черты еще более завораживающими.

В комнате были только они двое, и, если бы он захотел, мог бы уговорить этого даоса быть ближе. Но если бы он действительно сделал это, смог бы он сохранить его доверие и преданность?

Едва он задумался, как в дверь постучали, и принесли фрукты и закуски. Хань Мяо с усилием собрался с мыслями и с улыбкой сказал:

— Фрукты принесли, давай перекусим.

<http://bllate.org/book/16827/1547324>